

Лишь хотелось бы надеяться, что Юй Дун сможет отпустить ситуацию, не станет больше терзать себя и изводить душу и сердце.

— Молодой господин? — старый Ян заметно нервничал. Если с Цзы Су действительно что-то случится, его молодой господин никогда не простит себе этого. Раз так, не лучше ли спасти человека прямо сейчас?

— Все в порядке, Ло Вэй разберется.

Ло Вэй был его другом детства. Пусть на вид он казался щуплым, но был грозным и статным народным полицейским с потрясающими навыками рукопашного боя. Десяток обычных людей не могли составить ему конкуренцию, а уж те, чьи тела были иссушены вином и развратом, — и подавно. Даже если бы их было в два раза больше, они не смогли бы одолеть Ло Вэй.

К тому же, с ним пришли и другие полицейские. Юй Дун собирался сделать так, чтобы эти люди отправились за решетку навсегда и никогда больше не увидели свободы.

Старый Ян больше ничего не сказал. Он лишь молча смотрел в сторону Моста Масули, напряженный, встревоженный, глядя вдаль и ожидая...

Под ним была твердая, ледяная каменная плита, холод которой просачивался сквозь тонкую одежду. Казалось, у него есть собственная воля: он вгрызался в самую плоть, пробирая до костей. От пронизывающего холода Цзы Су не чувствовал ничего, кроме онемения и боли, даже суставы пальцев окоченели.

Одежда на груди была распахнута. Неизвестно сколько рук блуждало по его телу. Грязные речи, мерзкие лица, отвратительные прикосновения и этот тошнотворный запах протухшей рыбы — всё это повергало Цзы Су в отчаяние и скорбь.

Возможно, опасаясь, что он не выдержит и произойдет что-то непредвиденное, ему выбили челюсть. Слюна, которую невозможно было сглотнуть, медленно стекала по уголку рта, поблескивая в свете луны, что украдкой выглянула из-за облаков, чтобы взглянуть на это зрелище...

Цзы Су отвернул голову, не желая видеть их отталкивающие лица. Но, к сожалению, уши всё равно отчетливо улавливали их грязные разговоры. Особенно когда они бесстыдно обсуждали его тело, у Цзы Су возникало лишь одно желание — прикусить язык и покончить с этим.

Он не знал, что ему подмешали по дороге, но чувствовал, как тело охватывает бессилие. И это было еще не самое страшное. Куда хуже было то, что странные изменения в организме ясно давали понять: пройдет еще несколько минут, а может, и секунд, и он перестанет быть самим собой.

Цзы Су не был наивным юнцом. Хотя в этой жизни у него еще не было близости с кем-либо, опыт прошлой жизни позволял четко осознавать, что означают эти ощущения.

Внутренний жар постепенно вытеснял холод. Обессиленное тело начало непроизвольно извиваться. Цзы Су отчаянно пытался сопротивляться этим переменам, молясь лишь о том, чтобы эта мучительная ночь поскорее закончилась.

Рук на его теле становилось всё больше. Цзы Су крепко зажмурился, стараясь подавить разгорающееся желание и напрягая всё тело, чтобы противостоять накатывающим волнам жара.

Он не знал, сколько еще сможет продержаться, но понимал одно: он должен держаться. Даже если ему суждено подвергнуться унижению, он не позволит себе расставить ноги и постыдно принять их грязь.

Одна, две, три... всё больше рук проникало под одежду. Цзы Су отчетливо услышал звук рвущейся ткани...

Раздался резкий треск, и Цзы Су почувствовал холод, коснувшийся нижней части тела. В тот момент, когда последняя преграда была уничтожена, он широко распахнул глаза. Он хотел запомнить лица этих людей. Сегодня у него не было сил сопротивляться, но завтра он заставит их заплатить страшную цену. За всё, что они совершили, он заставит их узнать, что такое искреннее раскаяние и невыносимая мука.

Цзы Су в упор смотрел на них, не отрывая взгляда. И как раз в тот момент, когда они принялись расстегивать ремни, готовясь к дальнейшим действиям, округу огласил оглушительный вой полицейских сирен.

В полузабытьи Цзы Су увидел Ло Вэя, друга детства Юй Дуна.

Он понял, что спасен. Не успев даже задуматься, почему в этой жизни Ло Вэй появился здесь, Цзы Су закатил глаза, и его расслабленное тело окончательно обмякло, теряя сознание.

Группу преступников под конвоем вывели из-под моста. Последним шел Цзы Су, поддерживаемый Ло Вэем; поверх его обнаженного торса была наброшена куртка. Его усадили в машину:

— Отвезите его в больницу. Скажите, что он свидетель со стороны полиции, никому не разрешайте его навещать. — С этими словами он с грохотом захлопнул дверь.

Полицейская машина с воем умчалась прочь. Ло Вэй направился к автомобилю Юй Дуна, слегка покачиваясь при ходьбе, с такой развязной походкой, что любого хулигана приняли бы за своего.

— Дядя Ян, возвращайтесь с ними, а этого парня я сам отвезу. — Ло Вэй посадил старого Яна и сам сел на водительское кресло, но даже когда место происшествия опустело, он не спешил заводить мотор.

— Почему ты это сделал? — Юй Дун потер виски и открыл глаза, впившись взглядом в спину Ло Вэй, словно пытаясь прожечь в ней дыру.

— О чем ты? Когда я приехал, всё уже так и выглядело. — Ло Вэй безразлично пожал плечами. То, что он вообще не дал им довести дело до конца, уже было проявлением милосердия.

Юй Дун вздохнул, откинулся на спинку сиденья и замолчал. Он знал, что никто из его окружения не любил Цзы Су. Если бы в прошлой жизни Ло Вэй позволил так надругаться над ним, он бы навсегда разорвал с ним отношения. Но в этой жизни он поступит иначе.

— Тц-тц-тц, жаль. Если бы хотя бы один или двое успели сделать свое дело, состав преступления был бы очевиден. А теперь это совсем не на руку полиции при сборе доказательств, того и гляди, они еще смогут всё вывернуть против нас. — Ло Вэй скривил губы, болтая всякую чепуху, но украдкой поглядывал в зеркало заднего вида, изучая выражение лица Юй Дуна.

Юй Дун должен был разозлиться, выйти из себя и начать допрашивать его, почему он не вмешался раньше, но, увы, Ло Вэй остался разочарован.

Глядя на Юй Дуна, который откинулся на спинку и прикрыл глаза, Ло Вэй ощутил глубокое чувство поражения, которое, впрочем, сменилось странным удовлетворением, зародившимся где-то в глубине души.

Неужели это значит, что Юй Дун действительно забыл Цзы Су?

Ло Вэй обернулся и прямо посмотрел на него:

— Слушай, ты правда не злишься?

Как друг детства, Ло Вэй прекрасно знал, насколько слабо его здоровье. Если он доведет себя до приступа гнева, как потом объясняться с семьями?

— На что злиться? — Юй Дун открыл затуманенные глаза и посмотрел на Ло Вэй. Его полуулыбка заставила того воскликнуть:

— Черт возьми, скажи мне, кто ты такой? Почему ты притворяешься этим мерзавцем Юй Дуном?